

Полуного ветра,
господин дракон

Елена Добрынина

Добрынина Елена Попутного ветра, господин дракон!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71183947
SelfPub; 2024*

Аннотация

Хочешь спрятать дерево – прячь его в лесу. Хочешь избежать внимания дракона, которого когда-то разозлила, – поступай в академию, которую ему приходится возглавлять.

Не факт, что это поможет, зато скучно не будет никому: ни тебе, ни друзьям, ни преподавателям, ни самому дракону, который точно что-то скрывает.

Для обложки использован нейроарт (midjourney).

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Добрынина Елена
Попутного ветра,
господин дракон!**

Глава 1

Драконы есть твари жестокие, умные, жадные, никогда ничего не забывают и потому крайне мстительные. Их лучше иметь в друзьях, чем во врагах, а самое мудрое – обходить стороной и не привлекать к себе их внимания.

– Время вышло, предъявляйте вашу работу.

Я судорожно выдохнула и, закусив губу, зашагала к столу, где восседала экзаменационная комиссия.

– Вот, пожалуйста.

На покрытый торжественной пурпурной скатертью стол лег деревянный брусок, так сильно истыканный тонким шилом, что он больше напоминал морскую губку.

Повисло тяжелое молчание.

– Это что? – озвучил общий вопрос председатель комиссии – пожилой магистр с аккуратной седой бородкой.

– Мое задание. – Я подняла свой билет и зачитала вслух задачу: «Создать базовую заготовку для накопительного артефакта мощностью одна магическая единица».

Магистр скептически повертел брусок в пальцах и поднес к нему измеритель магического потенциала.

– Одна целая две сотых единицы, – возвестил он. – Стихия: воздух.

«Воздух?» – «Как воздух?» – «Что еще за шуточки?» – раздалось со всех сторон.

– Леди Диона дель Фейт, восемнадцать лет, уровень дара третий, стихия в анкете не указана.

«Вот потому-то и не указана, иначе сразу бы и развернули».

– Милочка, вы не перепутали случайно учебное заведение? – подал голос полный господин в очках.

– Нет, – энергично помотала головой. – Я жажду учиться именно в этой академии...

«Иначе мне крышка...»

– ...и именно на факультете артефакторики!

«Потому что он единственный, на который меня могут здесь взять. В теории. Насчет практики сейчас и узнаем».

Проблема в том, что я, как уже понятно, слабенький маг воздуха. А данный вид магии к материалам привязывается из рук вон плохо. Поэтому, получив подобное задание, последние полчаса я занималась тем, что ковыряла в самом рыхлом материале, который только смогла найти на столе с реквизитом, дырки, чтобы наполнить предмет как можно большим количеством своей стихии. Жульничество, строго говоря. Но я уже была близка к отчаянию и готова почти на все.

– Что ж, это, по крайней мере, остроумно, – высказался наконец председатель. – Формально задание выполнено, но...

Он скептически посмотрел в мою сторону.

– Магистр Милтон, вы курируете этот курс – вам и решать. – Он изящным движением передал сидящему рядом молодому блондинистому мужчине многострадальный брус и всю ответственность за принятие решения.

Мой молящий взор устремился на новый «объект».

Тот внимательно разглядывал то меня, то горе-артефакт и наконец изрек:

– Леди дель Фейт, хм... Занятный случай... Но смотрите, какой тонкий рисунок самого магического плетения: каждое отверстие заполнено магией отдельно. Вы хорошо владеете даром, леди. Давайте попробуем, – озвучил он вердикт после минуты раздумья. – Но гарантировать, что вы не вылетите с курса через полгода, я не могу, сами понимаете. Еще раз подумайте, нужно ли это вам.

«О, еще как нужно!»

– Спасибо! Спасибо! – других слов у меня не было.

«Какой хороший человек! И внешне приятный.

Хотя кому я вру, сейчас он показался бы мне приятным, даже будь он похож на каменного тролля или дракона. Хотя нет, с драконом – это я ужехватила лишку».

– Ну, как знаешь. – Председатель был явно не на моей стороне. – Леди дель Фейт, поздравляем с зачислением в Стихийную академию боевой магии!

Мечтала-то я, конечно, не об этом. Будь моя воля, я бы

поступала, как и собиралась до недавнего времени, в Маг-технический университет, на инженера по летательным аппаратам, но планы пришлось менять на ходу.

А все письмо, будь оно неладно.

Месяц назад отец получил извещение от дагона Гиларда Ливейского, в котором проклятый ящер напоминал папе, что моя с ним, гадом чешуйчатым, свадьба состоится согласно ранее подписанному договору в середине второго месяца осени сего года.

Мы-то уже надеялись, что он отказался от этой идеи, забыл или передумал, ведь восемь лет, считай, вестей о себе не подавал, но нет. Еще одно доказательство того, что эти древние хрычи ничего забыть не в силах. А раз так, то лучше мне помереть на месте, чем под венец с ним идти, потому как в последнюю нашу встречу свинью я ему умудрилась подложить размером с большой аэростат.

Ну да не будем о грустном. Лучше расскажу о самих драконах, иначе совсем ничего понятно не будет.

Они были, кажется, с незапамятных времен. Во всяком случае, я не помню таких легенд или преданий, где бы их не было или говорилось о том, откуда они взялись. Велись другие споры: считать ли их созданиями, порожденными чистой магией, или же просто сильными магами с некоторыми... особенностями. Но, по-моему, господа спорщики так и не пришли к единому мнению. А вот факты... Факты о дра-

конах имелись следующие.

Все драконы – очень сильные маги. Если для людей потоков магического потенциала равнялся десяти единицам, то драконы легко брали отметку в двенадцать, а то и больше. Ну и, конечно, пространственная магия... Она только им и дается.

Существуют драконы в двух ипостасях: обычной человеческой и ящерицеобразной. В виде второй своей ипостаси они предпочитают только летать или отшельничать в горах, пустынях и прочих не слишком популярных для посещения природных зонах. Это на случай, если вы подумали, что у нас тут в городе ящеры размером с добрую лошадь бегают. Не бегают, слава Создателям.

Еще интересный факт: драконы бывают только мужского пола. Почему? Это науке неизвестно. Чаще всего утверждается, будто это еще одно доказательство того, что женщины есть пол слабый и к магии намного меньше приспособленный. Спорное утверждение, по-моему.

Но так или иначе, а детей драконы имеют от самых обычных человеческих женщин (других-то нет, как уже ясно). При этом девочки им совершенно без надобности, они ими не особенно интересуются и оставляют обычно матерям, а вот мальчиков забирают себе. С сыновьями изредка тоже случаются осечки, и они остаются обычными людьми. Магами, конечно, но – и только. Участь таких мальчиков незавидна: их без сомнения возвращают людям, и приходится им,

с младенчества привыкшим к мысли, что они драконы, довольствоваться простой человеческой жизнью, только выходит это далеко не у всех.

За многие века нашей истории всякое случалось: были эры жестокой войны людей и драконов, были, наоборот, времена долгих перемирий. И так по новой, пока число потерь с обеих сторон не достигло таких колоссальных цифр, что решено было заключить между двумя расами своего рода договор.

Все ящеры расселились в человеческих государствах и занялись тем, что у них получалось лучше всего: советами и наведением порядка.

Живут эти создания так долго, что за это время успевают перепробовать массу занятий и профессий, «переболеть» властью, набить огромное число шишек, накопить впечатляющее количество знаний и опыта. И больше всего на свете любят роль советников, наблюдателей и проверяющих. Поэтому именно их с огромной радостью берут на все подобные важные должности. А за то, что господа крылатые соглашаются делиться с простыми людьми своей мудростью, им, чешуйчатым, положены всяческие льготы, как то: заповедные земли (горы, пустыни и прочая, где можно спокойно прохладиться в своей второй ипостаси), аристократический титул дагона (что примерно соответствует человеческому лорду, но активно подчеркивает их особенную природу), щедрое денежное содержание. А также возможность выбрать

себе жену по первому требованию из девушек аристократического сословия.

Какими критериями при этом пользуются господа драконы, только им и известно, уж точно не красотой лица или богатством приданого, но время от времени та или иная девица получает неожиданное послание. Поздравляем, мол, дагон такой-то выбрал вас в качестве избранницы, добро пожаловать к алтарю. Все это, конечно, очень почетно, но и жутковато на самом деле. Дostatка в таких браках через край, а вот любовь отсутствует как факт. Какая тут любовь, когда тебя используют как инкубатор для будущих дракончиков? Я не уверена, что сами ящеры имена своих очередных жен запоминают: сколько их на одну долгую драконью жизнь приходится? Наверняка не один десяток.

А хуже всего то, что эти женщины к своим драконам привязываются намертво, сохнут по ним и страдают. Видела я таких парочку – душераздирающее зрелище.

О чем еще не сказала?.. А! О драконьей «общественной повинности».

Раз в несколько десятков лет методом жребия определяется, кто из дагонов будет курировать не слишком популярные у них места: тюрьмы, например, ну или стратегически важные учебные заведения.

Вот теперь, кажется, все. По крайней мере, теперь вам будет лучше понятно мое состояние, когда в один погожий летний вечер, после того как мы с друзьями так удачно запусти-

ли нашего нового воздушного змея и даже с первой попытки смогли – йиху! – провести его восьмеркой, я, раскрасневшаяся от бега и чуть не левитирующая от совершеннейшего восторга, встретила своего отца – бледного, поникшего, с какой-то бумагой в руке.

«Дагон Гилард Ливейский извещает леди Диону Тельмару дель Фейт о грядущем бракосочетании в шестнадцатый день второго месяца осени».

Сначала я в растерянности хлопала глазами и смотрела на отца, пытаюсь понять, что означают все эти слова вместе взятые, а потом пол ушел из-под ног и мне показалось, что жизнь моя окончена. Не будет ни Магтехнического университета, ни летунов, ни аэростатов, и волосы мои не будет трепать вольный высотный ветер. Вместо этого придется снулой сушеной воблой сидеть у окошка, вздыхать и охать... И о ком!

От этой мысли слезы мои сразу высохли, уступив место злости и негодованию. Перед глазами встал облик дагона Ливейского образца восьмилетней давности: волосы цвета запекшейся крови, бронзовое лицо с острыми угловатыми чертами, крючковатый, похожий на клюв, нос, тонкие, плотно сжатые губы и глаза – желтые, змеиные, с вертикальным зрачком, прищуренные, смотрящие так, будто он хочет удавить тебя на месте... Бррр...

Это что, я за ним хвостиком бегать буду и собачий вальс перед ним исполнять? Да чтоб руль направления у него во

время полета отвалился! Не бывать тому!

Военный стратегический антидраконий совет был назначен на полдень. Помимо меня на нем присутствовали Рой и Гвен – мои ближайшие друзья и товарищи по проказам.

– Совет объявляю открытым. Основной вопрос: как мне избежать брака с драконом? – объявила я.

– Сбежать, – тут же предложила Гвен, слегка дернув себя за пружинистую рыжую кудряшку.

– Догонят и вернут, – не одобрил Рой.

– Срочно выйти замуж, – произнесла подруга, немного подумав.

– Не годится, – отмела я это предложение. – Официально мы с ним все еще помолвлены, как оказалось. Поэтому любой другой брак будет объявлен ничтожным.

– Ну тогда забеременеть от другого, – невинно хлопая голубыми глазами, выдала Гвен еще одну идею.

– Гы... выйдет знатный скандал! – хмыкнул Рой. – Ди будет покрыта позором, как трубочист сажей.

– Зато дагон от нее сразу откажется.

– А вот это вообще не факт! – заявил парень.

И был, между прочим, совершенно прав. Что там у этих чешуйчатых в голове, только им самим ведомо. Могут и с чужим ребенком замуж взять, своих наделать и отправить неверную женушку восвояси. От них всего ожидать можно.

– Так, Ди! Что тебе вообще известно о Гиларде Ливей-

ском? – Гвен решила зайти с другой стороны.

– Не слишком много, если честно, – пришлось сознаться. – Богат, уважаем, не так уж стар по драконьим меркам, восемь лет тому назад был советником мэра Рейстала по каким-то там вопросам. В десять лет меня подобные вещи не слишком интересовали.

– Да уж, Ди, ты отстала от жизни. – Рой сконденсировал из воздуха жирную каплю воды и шлепнул меня ею по носу. – Слушай же и удивляйся. Твой Гилард... Ладно-ладно, не твой. В общем, теперь он не советник. У брата моего есть дружок, боевик, учится в Стихийной академии. Так вот, он рассказывал, что год назад сменилось у них начальство. Один дракон свой срок оттрубил, другого прислали. И этот другой со злости, что его с хорошего места сняли и в стихийку засунули, как начал с них по три шкуры драть!

– Ты хочешь сказать, что это...

– Он, Ди! Дагон Гилард Ливейский – новый ректор Стихийной академии.

В комнате повисло молчание. Информация была, конечно, интересной, но что она могла нам дать, было совершенно неясно.

И тут Гвен выдала гениальную идею:

– Дионе нужно поступить в эту самую академию.

– На кой хрущ? – не понял Рой.

– Да на тот, что в каждом высшем учебном заведении Аларии есть устав. И там черным по белому указано, что в пери-

од обучения никаких шашней между студентами и преподавательским составом быть не может. Драконы за подобным в оба глаза следят.

Ну, Гвен лучше видно, она уже первый курс инженерки закончила.

Мы с Роем призадумались было, но у меня появились сомнения.

– Так ректор же приказ о зачислении подписывать должен. А он, как мое имя увидит, сразу его и вычеркнет.

– Ой, Ди, ты что! Могу поспорить, ему эти приказы пачками таскают, он и не смотрит их вовсе, подписывает, где положено, – и все, иначе только этим и будет все дни заниматься.

– Зато как он взбесится, когда вся правда вылезет наружу! – воскликнул Рой.

– Да уж... И сразу отчислит тем же числом.

– Ну конечно, ага, – снова подала голос Гвен. – Без причины этого не сделаешь. Ты или должна отвратительно учиться, или постоянно нарушать дисциплину, или как-нибудь нехило оскандалиться.

При желании это все, конечно, можно устроить, но на это нужно будет время. Хотя бы отсрочку получишь.

– А если повезет, – задумчиво поддержал подругу Рой, – то и желания такого может не быть. Вдруг он решит, что проще кого другого найти, чем с тобой возиться. Если, конечно, ты ему сама по себе не нужна.

– Точно не нужна, – тряхнула я головой, вспомнив взгляды, которые «женишок» бросал в мою сторону до того памятного вечера: абсолютно равнодушные, скучающие, без искры – не говорю интереса (какой уж интерес может быть у взрослого мужчины к десятилетней девчонке), а хотя бы самого обычного любопытства.

– Тогда может сработать, – решила Гвен. – Надо только подумать, как все это повернуть.

Вот мы и думали, раздобыв для начала нужную нам информацию о Стихийной академии, список ее факультетов, требования к поступающим и описание экзаменов.

К боевым воздушникам соваться не имело смысла: если уровень дара ниже пятерки, то и делать там нечего, хоть накопителями обвешайся. Целительским благословением меня Создателя обошли. Оставался один-единственный вариант – артефакторика. Здесь меня устраивало все: и список теоретических экзаменов меня не смущал, и со своей трешкой я вполне вписывалась в нужный магический минимум, оставался только один нюанс. Тот самый, негласный, но всем известный: воздушники артефакторами не бывают.

Но другого варианта все равно не было, и я решила рискнуть. Папе наврала, что еду поступать в инженерку, а сама сдавала экзамены в Эстине – пригороде Рейсталя, где, собственно, и располагалась стихийка.

Теорию сдала легко, а вот с практикой ожидаемо вышла сложность. И только благодаря моей смекалке и нежиз-

данной протекции господина Милтона меня-таки приняли! Первая часть плана выполнена!

Но, как оказалось, эта часть была хоть и самая ответственная, но не самая сложная в моральном аспекте. Папу волновать понапрасну я не хотела, он и так разрешил мне учиться в университете, сколько дракон позволит. Хотя, честно говоря, я о таком не слышала, чтобы драконьи невесты в институтах да академиях обучались. В общем, сообщать отцу, что я буду учиться под самым носом у дагона Гиларда, я не собиралась. Приехать ко мне за пару месяцев моего обучения папа вряд ли успеет, переписку вести мы с ним будем через почтовые артефакты, а если вдруг понадобится принять или отправить послание из инженерки – на это случай у меня есть Гвен, она поможет.

Обман давался мне тяжело. Папа – очень близкий мне человек.

Господин Руфус Фейт растил меня один. Мама умерла, когда я была совсем еще маленькой, я ее и не помню вовсе. С повторным браком у него не сложилось, хотя и были возможности. Но он предпочел с головой уйти в работу. И так преуспел в торговом деле и экспортно-импортных операциях, что государь даровал ему титул лорда и приставку «дель» перед фамилией.

Очень почетно, кто бы спорил, но вкусить радости от своего дворянского титула мы с ним не сумели. Все равно ис-

тинные аристократы при каждом удобном случае припоминали нам наше низкое происхождение и незнание отличных манер.

Тем более что мое воспитание получилось весьма странным. Папа баловал меня и позволял если не все, то многое. дружить с простыми городскими ребятами, бегать по полям в возмутительном для аристократки наряде – комбинезоне и кепке, запускать воздушных змеев и прочие «леталки», ковыряться в механизмах. Правда, и он ворчал время от времени, что у меня ветер в одном месте, но сразу же уточнял: «В голове, Диона, в голове». В итоге я росла скорее сорванцом, чем благовоспитанной барышней. А титул... К драконам этот титул, лучше бы и не давали нам его. Ведь именно благодаря его наличию я и попала к ящеру на крючок. К простой девушке он уж точно бы не посватался.

Так или иначе, в предпоследний день лета я с небольшим пространственным чемоданом в руках и тяжелым камнем на сердце поцеловала на прощание папу и села в мобиль, доставивший меня прямо к воротам Инженерного университета нашей столицы. А уже там, дождавшись, когда же извозчик скроется из виду, наняла другой мобиль, который и довез меня до самого Эстина. Получился приличный крюк, зато папа ни о чем не заподозрил.

Академия мне сразу не понравилась. Была она жутко пафосной и конкретной, как удар кулаком по лбу, никакой

фантазии и изящества. Она заявляла о себе так же прямо и без экивоков, поигрывая мускулами, как ее студенты кадрили барышень.

Четыре башни главного здания, символизирующие основные стихии, выглядели мрачно и банально, над ними возвышался купол центрального корпуса со шпилем. В голове мигом возникло видение дракона, восседающего на этой крыше, держащего лапу козырьком и обзирающего окрестности. Стало неудобно.

Сама территория академии, обнесенная высоким каменным забором, была велика. Несколько учебных корпусов, столовая, студенческие общежития и домики преподавательского состава, тренировочная площадка и четыре внутренних полигона. Часть зданий явно была выстроена недавно, но и она соответствовала духу этого места – сурово, претенциозно, на века.

Я тащила со своими вещами (благо, не слишком тяжелыми) от проходной к общежитию, глаза по сторонам и очень надеясь, что первое впечатление окажется обманчивым и что ректоры подобных заведений не имеют обыкновения встречать новеньких, выпрыгивая из кустов.

За следующие пару дней я сделала несколько примечательных выводов.

Вывод первый. Артефакторов тут не любят. Совсем. Даже мантии и спортивная форма им положены омерзительного

серо-бурого цвета. Поэтому на фоне красных, синих, голубых, белых и шоколадно-коричневых одежд остальных факультетов мои коллеги выглядят потрепанными жизнью мышами.

Но, разумеется, не только в этом дело.

Все стихийные боевики – сильные маги, физически развитые (спортивные нормативы у них такие, что мало не покажется), а вот артефакторы, в основной массе своей, значительно уступают представителям других факультетов и в уровне магии, и в силе. Так что остальные факультеты величают нас «заучками», «зубрилами», «слабаками» и «тускляками».

Вывод второй, следующий из первого: ненавижу боевиков. Вот честно. Мало того что обзываются, так еще парни, увидев симпатичную девчонку из новеньких, так и нороят подкатить, зубы скалят, прогуляться зовут, а самые умом одаренные сразу за задницу щиплются. Это я уже не говорю о сомнительных комплиментах вроде «ниче такая», «под эль потянет», «спереди дохловата, а сзади норм». Девушки, кстати, у них ничем не лучше своих коллег: плечом толкнуть новенькую у них, кажется, любимое развлечение.

Вывод третий: Эстин – городок небольшой, формально самостоятельный, но на деле целиком и полностью связанный с академией. Здесь даже принимают ее импровизиро-

ванную валюту – круглые желтые жетончики, которые выдаются за успехи в учебе и дополнительную работу, ими же платится стипендия и вообще все-все-все в Стихийке. Называются эти жетончики луидорами, в честь введшего их в оборот ректора Людовика какого-то там, но в народе иначе, чем «лушками», их никто не именует.

Так вот, в Эстине лушками спокойно можно расплачиваться за покупки, заказы в тавернах и кофейнях, вот насчет разных увеселительных заведений не в курсе, но тоже не удивилась бы.

Сам Эстин нравился мне куда больше студенческого городка. Здания здесь тоже яркими красками не отличались, зато кроме боевиков на улице встречались и нормальные лица, не отягощенные физическим и магическим превосходством, улочки были чистыми, лавок и торговых лотков хватало, да и зелень имелась в достатке. А еще флюгеры... К последним я всегда испытывала слабость и с детства любила с ними играть. Здесь они венчали почти каждое здание.

Неудивительно, что все оставшиеся дни до начала занятий я предпочитала проводить в Эстине, бродя по его улочкам, отдыхая на газонах парков, забавляясь с флюгерами и заходя во все подряд лавки. И именно в Эстине я в первый раз и наткнулась на Гиларда.

Я шла, задумавшись, по главной улице, вертя в воздухе сорванное ранее семечко ясеня. Закрутив маленькую зеленую лопасть вихрем, я заставляла ее выписывать изящные

восьмерки между флюгерами домиков сначала на одной, а потом и на другой стороне. Занятие это требовало совсем немного магии, но было довольно непростым с технической точки зрения. Мне же оно просто доставляло удовольствие и служило фоном для размышлений о жизни. Так я и развлекалась, пока не заметила идущего по противоположной стороне улицы дагона. Тот шествовал спокойным твердым шагом, не особенно глаза по сторонам, и у меня было достаточно времени убедиться, что за прошедшие восемь лет он ни капли не изменился. Лицо не посветлело, и линии его не стали мягче, даже прическу ящер Ливейский не сменил – все те же короткие небрежные пряди темно-вишневого цвета у лица и неизменный «драконий хвост» на затылке.

Зачем крылатым ящерам этот небольшой, пальца в два толщиной, зато длинный хвостище, нам не докладывают, но без него ни одного дракона представить себе невозможно. Его ящеры отстригают только перед тем, как уйти помирать в горы.

Одет Гилард был также вполне привычно для себя: мрачненько, в черное с бордовым. И наверняка сюртук носил по последней драконьей моде (хотя она у них весьма консервативна, надо сказать).

Я, затаив дыхание, следила за тем, как мой заклятый враг проходит мимо, как вдруг откуда ни возьмись прямо в лоб ему впечаталось совершенно позабытое мной семечко. Ой!

Драconiще моргнуло, стряхнуло досадную помеху со

смуглого чела, зыркнуло по сторонам золотыми глазюками и пошло себе дальше. А мне пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить сердцебиение.

Еще один, четвертый, вывод оказался неутешительным. Как ни убеждала меня Гвен, далеко не все соблюдают устав в той части, которая говорит о запрете шашней. Поднимаясь как-то в свою комнату, я промахнулась этажом и попала к старшекурсницам. Ошибку свою поняла быстро, но стала свидетельницей того, как из двери одной из комнат выходит уже известный мне блондинистый господин Милтон, и в ступоре на него уставилась. Будущий руководитель моего курса меня, разумеется, заметил, нисколько не смутился, сказал что-то вроде: «О, привет!» – и расслабленной походкой, насвистывая под нос легкомысленный мотивчик, удалился по своим делам, будто так и надо. Да уж, надеюсь, не у всех здесь такое наплевательское отношение к уставу, иначе все мои старания яйца выеденного не стоят.

Вывод пятый, он же последний и неожиданно философский: во всем плохом можно найти хоть что-нибудь хорошее. В Стихийной академии боевой магии, как оказалось, тоже. Совершенно случайно я обнаружила для себя любимое местечко. Бегая по академии туда-сюда, чтобы получить причитающиеся мне вещи: учебники, рабочие материалы и прочие пособия, – я забрела в старый лабораторный корпус.

До того как найти нужную аудиторию, я порядком поплутала по незнакомым мрачным коридорам, зато наткнулась на совершенно очаровательную кованую лестницу, ведущую прямо на крышу. Оглянувшись по сторонам и не найдя свидетелей предстоящего проступка, я поднялась по ней, держась за удобные невысокие перила, и вдвойне обрадовалась, когда обнаружила, что выходной люк не заперт и отлично работает.

Крыша оказалась превосходной во всех отношениях. Со стороны более высокого главного корпуса трубы надежно прикрывали меня от любопытных взглядов, а вот с других сторон, где не было опасности быть обнаруженной, – сплошной восторг и свободное пространство. Отсюда открывался отличный вид на все четыре полигона и спортивную площадку, а еще можно было спокойно запускать в небо леталки, загорать, да и просто размышлять на разные отвлеченные темы. Например, строить планы, как избежать нежелательного союза с отдельно взятым ящериобразным.

Глава 2

Если вы застали дракона врасплох, можете попробовать его поразить. Убить не убьете, но повеселите знатно.

Интересно, кто составляет расписание наших занятий? Не дагон ли ректор собственноручно? Если так, то ему было бы приятно узнать, что он умудрился подложить мне первосортную свинью в первый же учебный день.

Потому что чем начинается первый учебный день в любом уважающем себя учебном заведении? Правильно: торжественной линейкой. А какое занятие значится сразу после линейки у первого курса факультета артефакторики? Общая физическая подготовка. А что это значит? А то, что на линейке наша братия должна стоять мало того что в мышинном цвете, так еще и в спортивной форме. Тускляки и задохлики во всей красе. Берем своими сильными сторонами, так сказать.

Напялив мешковатый, чудовищно невзрачный костюм, собрав волосы в высокий хвост и прихватив сумки, я направилась к площади перед главным корпусом, пытаюсь отыскать в разноцветной толпе студентов таких же спортивных мышат, как я сама. Скоро это мне удалось. Нас оказалось не так уж много – человек двадцать, не больше. И эти двадцать

человек поглядывали друг на друга с выражением крайней печали. Стоявшая рядом со мной симпатичная черноволосая, немного мрачная девушка протянула мне руку:

– Марша Стилл, вода, четвертый уровень.

– Диона дель Фейт... – начала было я, но тут меня невежливо прервали.

– Мышки, бросайте ваших задохликов и бегите к нам греться, – активно играл мускулами стоящий неподалеку огневик.

– ...трением, – поддержал его приятель, и оба заржали.

– Ты имеешь в виду трение шестеренок в твоих мозгах? – спросила я раздраженно. – Я прямо чувствую, как они там скрежещут.

– Говорливая, что ли? – недобро спросил «юморист» и явно хотел добавить что-то столь же приятное, но отвлекся на чрезвычайное происшествие.

Что-то бумкнуло, дзынькнуло, грохнуло и пронеслось мимо огневиков, свалившись буквально нам с Маршей под ноги, мы еле успели отскочить в разные стороны. Этим «чем-то» оказался парень. Наш собрат по несчастью, если судить по «мышинному» спортивному костюму.

– Ого! – радостно воскликнул он, взглянув на нас снизу вверх, и беспомощно забарахтался на спине, путаясь в длинных руках и ногах. – Неужто получилось?

Я подала ему руку, чтобы помочь встать, и он сразу схватился за нее, попутно рассыпаясь в благодарностях. Выгля-

дел он донельзя нелепо: долговязый, худющий, весь какой-то угловатый. Короткие темные волосы торчат во все стороны, да еще на носу очки весьма странного вида – круглые с толстенными стеклами, отливающие зеленцой.

– Эй, тускляк, чего на людей кидаешься? Не получал давно? – От сильного тычка в плечо бедняга покачнулся и не рухнул обратно только чудом.

– Свое он уже получил, отвалите, а? – не выдержала я и повернулась к долговязому: – Что с тобой стряслось?

– Берни... Берни Римингтон, – представился он, пытаюсь привести себя в порядок. Особенно это ему не помогло. – Я пытался настроить поисковый артефакт, чтобы найти в толпе свою группу, но, видно, с настройками перестарался. Это моя третья попытка. Про первые две вам лучше не знать... – Он смущенно хохотнул, потирая шею. – Но, честно говоря, я даже не ожидал, что хоть что-то получится, так что все вполне неплохо.

– Ага, здорово просто, – буркнула Марша Стилл. – А это у тебя что такое?

Она указала на очки.

– Тоже артефакт, – похвастался Берни, поднимая очки на лоб, – помогает видеть в темноте, при завете, под водой...

Мы с девушкой обменялись скептическими взглядами.

– А то, что под носом происходит, нет?

– Да уж... Это мне бы точно не помешало, – беззлобно расхохотался этот чудик.

Мы с Маршей как раз успели назвать ему свои имена, когда раздался торжественный звук фанфар и под бурные аплодисменты на площадку перед нами вышли главы всех факультетов и кураторы курсов во главе с тем, на кого я изо всех сил старалась не смотреть.

– Доброе утро, рад всех вас приветствовать на открытии нового учебного года, – разнесся по площадке низкий, спокойный до безразличия голос.

Я не выдержала и подняла-таки глаза на своего жениха и ректора – и дракона, чтоб у него глаза на лоб повылезли... Но нет, они были такими же, как я и помнила: холодными, желтыми и равнодушными. Брр.

– Я не буду распространяться о вещах, которые вы все равно пропустите мимо ушей, остановлюсь на главном: с этого года план ваших занятий изменится и станет более интенсивным.

«Вот спасибо, как для меня старался».

– Легко не будет, но те из вас, кто, несмотря ни на что, одолеют учебную программу, смогут считаться настоящими стихийными боевыми магами. Для первокурсников представлю глав наших факультетов. Декан факультета боевой магии воздуха – магистр Сильвария Хоксли.

Красивая светловолосая женщина в голубой мантии изящно склонила голову, позволив золотистым локонам упасть ей на плечи.

– Декан факультета боевой магии воды – магистр Нортон

дель Эндрюс.

Полноватый мужчина средних лет с темными усиками чуть выше поднял подбородок.

– Декан факультета боевой магии огня – магистр Рэнделл Фрай.

Статный господин в красном со шрамом через всю левую щеку только усмехнулся, услышав свое имя.

– Декан факультета целительской магии – магистр Белинда дель Рей.

Округлая дама почтенного возраста стряхнула несуществующую пылинку со своей безупречно белой, без единого пятнышка, мантии.

– Декан факультета артефакторики – магистр Аллан Ставрус.

Уже знакомый мне седовласый магистр с бородкой слегка обозначил поклон.

– Магам земли не повезло, – продолжал ректор, – возглавлять их факультет временно буду я, дагон Гилард Ливейский, кто еще меня не знает.

На этом месте повисла гнетущая пауза.

– А сейчас я представлю вам кураторов первого курса.

Тут, каюсь, я почти все прослушала, увлеченная мрачными мыслями о том, какие еще сюрпризы придумает нам руководство. Выхватила только представление магистра Эдварда Милтона – нашего блондинистого наставника – и снова красотку Сильварию – оказывается, в этом году первый

курс воздушников будет под ее надзором. А еще обратила внимание на то, какие взгляды Милтон бросает в сторону последней. Но он, похоже, вообще тот еще бабник.

– На этом торжественную часть позвольте считать закрытой, – возвестило его драконство и пожелало всем напоследок как можно реже оказываться у него в кабинете.

Вот с этим я была очень солидарна. Всей душой за, можно сказать.

Преподаватели торжественно удалились, и студенты стали расползаться по всей академии. Наше мышинное братство не слишком дружно потопало к площадке для тренировок.

– Какие очаровательные хлюпики! – произнесла наша молодая преподавательница физической культуры, разглядев нас почти с умилением. – Поверьте, ребятки, к третьему курсу вы будете выглядеть совершенно иначе. Четыре круга для разминки, бегом – марш!

Мы грустно побежали по дорожкам.

Кроме нашей группы на площадке находились еще три: воздушники, огневики и целители, если смотреть по цветам их формы. И если «красные» и «белые» занимались пока совершенно другими упражнениями, то «голубых» тоже отправили мотать круги. И делали они это куда как лучше нас. Что само по себе совершенно неудивительно: физподготовка боевиков была уж точно более впечатляющей, чем наша. А вот тот факт, что они при этом активно изгалялись над нами, принять было куда сложнее. И ладно еще просто обзовут,

пробегая мимо, или на повороте подрежут, это еще можно было стерпеть, а вот когда воздушники перешли к откровенному хамству, сносить это стало невыносимо.

Началось все с того, что один умник подставил Берни подножку. Тот растянулся на дорожке во весь рост, хорошо еще, лбом не приложился. Я, бежавшая следом, остановилась, чтобы помочь незадачливому артефактору, а заодно оглянулась по сторонам. Ни один преподаватель не возмущился произошедшим, даже замечания этому гаду не сделали.

– Надо ему ответить, – сказала я Берни, – иначе над тобой так и будут издеваться.

– Ты думаешь, он специально? – удивилось чудо природы.

– Еще как специально, поверь мне.

– Все в порядке? – к нам подбежала водница.

Раздался пронзительный свисток.

– Прекратить разговоры, первое предупреждение... Бегом марш!

Значит, хамское поведение воздушника она не заметила, а вот то, что мы парой слов перекинулись, конечно, да.

Я поняла, что начинаю злиться, очень сильно злиться. И что так этого не оставлю.

Я наклонилась к дорожке, будто бы шнурок завязать, зачерпнула гость песка с обочины и, когда нахальный «голубец», заканчивая очередной круг, почти поравнялся с нами, раскрыла ладонь, прицелилась – и песок, направляемый

практически незаметным воздушным потоком, отправился обидчику прямо в лицо.

– Это тебе за Берни, – уведомила я парня.

– Ах ты дрянь! – тут же завопил он, пытаясь проморгаться, и бросился ко мне.

Помощь пришла, откуда я ждала ее меньше всего: Берни тут же кинулся ему наперерез, но, споткнувшись на ровном месте, красиво полетел боевику под ноги. Тот не удержался и рухнул на очкарика, подмяв его под себя. На помощь своему приятелю поспешил еще один «голубчик», но поскользнулся на невесть как оказавшейся перед ним ледяной дорожке. Впрочем, почему это «невесть как»: рядом с нами встала Марша, и взгляд водницы сейчас был направлен как раз в эту сторону.

«Стоп!» – «Прекратить!» – «Второе предупреждение!» – к нам бежали сразу двое учителей: наша красотка и атлетичный господин средних лет.

Особенно не разбираясь в том, что произошло, они разняли дерущихся, отчитали нас всех скопом и велели подойти к своим преподавателям.

– За эту выходку вам придется понести наказание. – Наша физкультурница достала из поясной сумки листок бумаги и автоматическое перо, быстро написала там что-то и вручила мне как стоящей к ней ближе всего. – Марш сейчас же к своему куратору, пусть назначит вам наказание, принесете мне от него расписку, что мои требования выполнены.

И мы поплелись искать Милтона.

Тот нашелся в главном корпусе, в своем кабинете. На нас посмотрел с таким удрученным видом, будто мы ему уже надоели хуже некуда. Но, получив послание нашей физкультурницы, сразу взбодрился и принялся уже более внимательно, даже заинтересованно, нас разглядывать.

– Слушайте, это, определенно, заявка на победу, – сказал он наконец подозрительно довольным голосом. – Первое занятие – и уже взыскание! Вы далеко пойдете, молодые люди. За что хоть весь сыр-бор?

– За справедливость, – вздохнула Марша.

– Они первые начали, – поддакнула я.

– Ну, за справедливость вполне можно и пострадать, – согласился куратор. – И раз вы так отличились, то делать это придется со всем возможным шиком и пафосом: будете драить главную лестницу. После занятий подойдете к завхозу за инвентарем.

Он написал что-то на том же листочке, который был нам выдан преподавательницей, и вернул мне обратно.

– Лично приду и проверю результат вашей работы. Все ясно?

Куда уж яснее. Мы покивали и, особенно не торопясь, ногу за ногу, поплелись обратно на тренировочную площадку.

– Берни, – решила я выяснить по дороге кое-что, – ты у нас какой стихии?

– Огневик, – ответил тот.

– А что ж тому воздушнику ничего не подпалил?

– Да как-то я не привык... – замялся парень.

– Привыкай, – поддержала меня Марша, – иначе здесь не выживешь. Магистрам, кажется, вообще без разницы, кто виноват.

Все оставшиеся уроки в этот день ясно продемонстрировали, откуда у местных боевиков берется чувство острейшей неприязни к артефакторам.

Занятия сегодня все как на подбор были теоретическими и читались сразу для всего курса. А уж в теории именно «хлюпики» были отлично подкованы. И потоки сил вычисляли не в пример быстрее и точнее боевиков. Вел занятие магистр Торн – желчный пожилой мужчина, так явно ставящий нас за образец остальным, что, будь я на другом факультете, под конец лекции этих «заучек» тоже бы возненавидела.

Чтобы хоть как-то реабилитироваться, я наклонилась к сидящей рядом со мной магичке земли и шепнула: «Вообще-то мы не такие зануды».

– Это хорошо, – улыбнулась та, – больше шансов, что вы будете помогать с домашкой. А то нас дракон сожрет.

– Да уж, глава факультета у вас тот еще зверь, – хмыкнула я.

– Ага, если бы я знала, ни за что не стала бы сюда поступать, – кисло ответила та.

– А раньше кто был главой, не знаешь? – полюбопытство-

вала я, чтобы поддержать разговор.

– До этого года был Милтон. Его все студенты обожали.

– Да ладно? Он же теперь наш куратор. И с чего такие перестановки?

– Понятия не имею, – пожала плечами девушка. – Тсс, Торн на нас уже косится.

Все это было так странно, что я порядком призадумалась. Как бы разузнать, что тут происходит? С другой стороны, какая мне разница? Никакой, любопытно только. Одно радует: куратор наш, похоже, толковый спец, раз и как боевик хорош, и как артефактор. Это огромная, даже небывалая редкость.

После занятий мы с Берни и Маршей отправились переодеваться, а потом – на поклон к завхозу главного корпуса. Я не отказала себе в удовольствии вырядиться в свою любимую свободную форму – нежно-оливковый комбинезон и кепочку, Марша пришла в черном, под горло, платье, а Берни как был в обычном костюме, так и явился, только мантию снял.

Завхоз – господин Шорк – оказался полным низкорослым старичком, зато настолько переполненным энергией, что, казалось, вот-вот взорвется.

– Ага! – закричал он. – Явились! Ну-ка получайте швабры, ведра и веники. И чтоб никакой мне магии. Знаю я вас. Ручками-ручками, как и положено! Вот вам тряпки и средство для мытья – перила тоже ототрете, и пусть сверкают так, чтоб ослепнуть можно было. Начнете с самого верха... И не

халтурить мне тут!

Опытным путем выяснилось, что хуже места для отработки, чем лестница главного корпуса, и представить невозможно. Во-первых, здесь постоянно ходила целая прорва народа, и каждый считал своим долгом прокомментировать нашу работу словами вроде: «Ха, вот везунчики, в первый же день попались!» Во-вторых, Берни со своей рассеянностью и хронической неуклюжестью оказался совершенно не приспособлен к мытью лестниц. После третьей его попытки пересчитать ступеньки носом я со вздохом вручила ему тряпку для перил и сама принялась за самую грязную работу. Дело пошло значительно лучше.

– Как продвигаются трудовые будни? – осведомился насмешливый голос, когда мы втроем одолели почти половину вверенного нам участка.

Магистр Милтон наблюдал за нами, облокотившись на перила и подперев ладонью щеку, и, казалось, мог любоваться этим зрелищем бесконечно.

– Просто прекрасно, – ответила я недовольно. – А можно вопрос?

– Валяй, – фамильярно разрешил куратор.

– Правда, что вы раньше были главой факультета земли?

Милтон наставил на меня указательный палец и зыркнул так, что захотелось проглотить язык.

– Запомни, студентка дель Фейт, первое правило выживания в академии: не задавай каверзных вопросов магу зем-

ли, стоя враскоряку на каменной лестнице. Вон там, кстати, плохо помыла, вернись на один пролет выше.

Я недовольно крикнула, но урок усвоила и больше с вопросами не приставала.

– И да, правда, – неожиданно произнес куратор.

Я даже не сразу поняла, что это ответ на мой вопрос.

Решив больше не отвлекаться на всяких умников, я полностью погрузилась в свое неблагодарное занятие. Быстрее домою – быстрее освобожусь. И совершенно забыла, что по лестнице главного корпуса имеют обыкновение передвигаться не только люди.

Если бы кто-нибудь ранее сказал мне, что при нашей первой за восемь лет встрече с Гилардом Ливейским я окажусь в позе номер три – «дракон мордой вниз» – целительского гимнастического комплекса, пятой точкой в сторону этого самого дракона, я бы покрутила пальцем у виска. Но что делать...

Дагон ректор спокойно поднимался по ступенькам, когда неожиданно вырुлила из-за угла с тряпкой наперевес, пытаясь по мраморной площадке между этажами. И только знаменитая драконья реакция спасла нас от столкновения.

– Да чтоб тебе драк... – Я действительно испугалась и собралась уже было как следует обругать виновника инцидента, как тут-то и заметила, кто, собственно говоря, передо мной.

Воплощение моих кошмаров стояло, склонив голову чуть

набок, и с некоторым сдержанным любопытством ожидало окончания моей тирады.

– ...драк... дра... драгути! – наконец-то нашлась я, на-
двигая на всякий случай кепочку поглубже.

Ящер медленно кивнул, слегка растянув губы в бледном подобии улыбки.

– Эдвард, твои дарования в первый же день лестницу
скоблят?

– Мои, Гилард, мои, – притворно вздохнул тот.

– Артефакторы? – с сомнением уточнил ящер.

– Сам в шоке. Хотя курс подобрался весьма многообеща-
ющий, – заметил Милтон и такой странный взгляд на меня
бросил, что в первый раз за все время в моей голове зашевели-
лись подозрения: а не в курсе ли наш куратор о том, кем
я являюсь для чешуйчатого? Имя-то мое он уже запомнил,
а ведь у нас еще ни одного занятия не было.

– Зайдешь ко мне потом. – Дракон не просил, просто по-
ставил перед фактом и продолжил свой путь.

– Как скажешь, – откликнулся Милтон, мне показалось,
без особого энтузиазма.

А я выдохнула: не узнал. Хотя немудрено: за восемь лет
я сильно изменилась. Волосы потемнели и из светло-русых
стали просто русыми, о щипцах для завивки, которыми меня
раньше изводили горничные, я уже давно не вспоминала. Я
вытянулась, лишилась круглых детских щечек. Да и вообще,
признаться, женишок не слишком-то внимательно меня то-

гда и разглядывал. Оно и к лучшему, как оказалось.

Следующий день был почти полностью посвящен нашей специальности. Уроки теории и практики артефакторного мастерства шли один за другим, и преподавал эти дисциплины наш незабвенный куратор.

– Итак, уважаемые, для чего вы здесь собрались? Ну, помимо того, чтобы насладиться моим обществом, конечно. – Магистр бочком присел на собственный стол и разглядывал нас, покачивая ногой. – Чтобы стать мастерами боевой артефакторики. А это значит, что вас будут учить делать те артефакты, которые могут быть полезны в бою: атакующие, защитные и накопительные. Вся внешняя шелуха и красоты для вас совершенно неважны. Только эффективность, надежность и возможность использования в боевых условиях. Также вы должны уметь в случае необходимости мастерить артефакты из подручных материалов. Буквально из магии и веток, это понятно?

Мы согласно закивали.

– Через некоторое время у каждого из вас проявится его специализация: у кого-то будут лучше получаться атакующие артефакты, у кого-то защитные, ну или накопительные. Диона, сразу скажу, что накопительные – не ваш вариант.

– Почему вы так в этом уверены? – спросил полноватый рыжеволосый Пол, очень любопытный парень, как мы уже успели убедиться.

– Потому что она воздушница, – пояснила Марша, – а воздух имеет свойство рассеиваться.

– Именно, – подтвердил Милтон.

«Воздушница?» – «Разве магию воздуха можно привязать к каким-либо предметам?» – раздалось несколько удивленных возгласов.

– В прямом смысле нет, но, возможно, у леди дель Фейт что-нибудь и выйдет. Первые несколько месяцев работаем все вместе, затем будем делиться на группы по интересам.

На первом этапе ваша задача – поэкспериментировать с различными фактурами и материалами, пытаясь вложить в них базовые заклинания. Их не так много – чуть меньше двадцати, на экзамене именно они и будут составлять ваши билеты. Рекомендую все тщательно записывать.

Итак. Группа первая. Атакующие заклинания. Бывают пяти основных типов: вихревые, стреловидные, концентрические, точечные наводящиеся и молотообразные. Сегодня рассмотрим первый...

Преподавал магистр безумно интересно. Время летело незаметно, страницы тетрадей заполнялись абсолютно логичными схемами, объясняющие весьма сложные процессы.

Я даже начала понимать, за что студенты так обожают этого фамильярного красавца. Когда на практикуме я уже готова была выть от того, что у меня совершенно ничего не получается, магистр Милтон подошел, посмотрел внимательно на мои потуги и сказал доверительно:

– Выше нос, Диона. Готов спорить на что хочешь, в итоге именно атакующие артефакты тебе будут удаваться лучше всего. Выбирай предметы, где больше воздушного пространства, типа этого, – он протянул мне нелепый дутый браслет, – закрути потуже воздушную спираль и заполни ею всю полость. Посмотрим, что из этого выйдет.

В итоге с занятия я выходила с не особенно ценным, но вполне рабочим артефактом в руках.

Марша соорудила небольшой кулон, заполненный жидкостью. Я даже позавидовала. Вода как стихия плотная позволяла концентрировать силу в небольшом объеме, и ее артефакт был уж точно сильнее, чем мой.

А вот у Берни дела шли... зажигательно. Уже третья попытка соорудить что-либо оканчивалась тем, что это «что-либо» делало звучный «ты-дыщ», и все вокруг подскакивали. Сам же огневик радостно комментировал происходящее неизменным «Видали, как рвануло? Круче, чем в прошлый раз!». Словно именно это и было целью его работы. Но в конце концов даже он сумел совладать с огненным вихрем, заточив его в перстень с гранатом.

День шел за днем, урок за уроком. Учиться мне нравилось. Артефакторика, пусть даже боевая, оказалась неожиданно интересной наукой. Хотя моя любовь к конструированию никуда не делась, и я прыгала от счастья, когда Гвен прислала почтой новый выпуск моего любимого журнала с

чертежами «Попутный ветер».

И только два отягчающих обстоятельства не давали мне жить спокойно.

Первое – это подначки и придирки со стороны старших курсов боевиков. Особенно старался тот самый воздушник, подставивший Берни подножку. Звали его Нил дель Крас, и был он весьма неприятным самовлюбленным типом. Того отпора, который мы ему дали, он нам так и не простил. Но теперь уже предпочитал делать пакости на расстоянии. То обзовется, то подговорит дружков опрокинуть поднос с нашим обедом в столовой. И вроде бы ничего смертельного, но жизнь без этих подлянок определенно была бы приятней. Как его проучить, мы с друзьями пока не придумали. Вступать в открытый конфликт с боевиком седьмого уровня было глупо, а по хорошему он не понимал.

Второй проблемой оставался, понятное дело, Гилард Ливейский. Несколько дней я его совсем не видела, что меня совершенно устраивало. И я успокоилась немного, расслабилась и решила, что так оно и будет продолжаться. А потом свалилась ему на голову. В самом что ни на есть буквальном смысле.

Началось все с планера. Я собрала его по чертежам из тонких дощечек и плотной, магически укрепленной бумаги. И планер вышел – просто загляденье! Расчувствовавшись, я назвала его «Мечта» и поняла, что просто обязана – вот пря-

мо сейчас же – попробовать его в деле. Сказано – сделано!

Я вышла на улицу, облюбовала самый дальний угол нашего сквера, где сейчас не было ни души, и с наслаждением запустила «Мечту» вверх, к самому небу. Я направляла свою игрушку, крутила в воздухе, заставляя описывать различные фигуры и лавировать между деревьями. А потом увлеклась, неверно рассчитала угол наклона, и мой планер воткнулся в крону раскидистого вяза, застряв там намертво.

– Вот же хрущ драконий! – выругалась я и – делать нечего – полезла на дерево. Оставить «Мечту» куковать в зарослях я не могла, а сбить камнем побоялась: испорчу еще.

Лазанье по деревьям с непривычки оказалось делом нелегким. Только я оседлала нужную ветку, ползком, дюйм за дюймом, подобралась к планеру и протянула к нему руку, как подо мной раздалось мелодичное:

– Умоляю, дай мне еще один шанс!

Внизу мелькнули, рассыпаясь водопадом, светлые женские локоны. Я напряглась, а услышав второй, рокошущее-низкий, голос, вообще чуть сразу с ветки не рухнула.

– Ты напрасно теряешь время.

«Просто превосходно. Другого места, чтобы обсудить свои дела, они выбрать не могли? Угукнуть, что ли, пока не поздно?»

– Но в прошлый раз ты позволил мне остаться!

«Поздно... Неловко как-то в такой драматический момент угукать».

Все, что нам с «Мечтой» оставалось, – это так и висеть, боясь не то что чихнуть – даже вздохнуть глубже положенного, – и слушать совершенно ненужные мне подробности о личной жизни дагона ректора и деканши воздушников.

– И не раз пожалел об этом. Я был не в себе, ты просто застала меня врасплох.

«Хм... А это реально – застать врасплох дракона?»

Воображение сразу принялось подкидывать мне картинки ящеров, застуканных ночью на кухне с куском торта в зубах или танцующих голышом в гостиной, когда туда неожиданно вваливаются гости.

– Гил, я не потребую от тебя ничего взамен, клянусь. – Сильвария попыталась прильнуть к груди Гиларда, однако тот мягко, но непреклонно отстранился.

– Сильви, – отрешенно произнес дагон, – не унижайся. Я не собираюсь осложнять наши и без того непростые отношения с Эдвардом еще больше.

Тем временем у меня назрела существенная проблема: я почувствовала, как медленно, но неодолимо сползаю по ветке вниз, прокручиваюсь на ней, словно кабанчик на вертеле, и вот-вот повисну вверх копытцами.

– Пожалуйста! – В голосе воздушницы слышалось отчаяние.

«Да, пожалуйста, – вторила я ей мысленно, – сгиньте оба уже».

– Иди домой, Сильви, – так холодно произнес ректор, что

меня на месте этой дамы как ветром бы сдуло.

– Я не отступлюсь, Гилард, – бросила напоследок магистр и наконец-то гордо удалилась.

Я из последних сил цеплялась за ветку, молясь всем Создателям, чтобы господин дракон последовал примеру воздушницы, но он, словно мне назло, не торопился никуда исчезать, а решил, кажется, прямо под деревом предаться философским размышлениям о смысле бытия.

В тот момент, когда я поняла, что больше висеть тут не могу даже под страхом разоблачения, я с положенным по инструкции криком «Поберегись!» разжала пальцы – и мы с «Мечтой» свалились прямо на него.

– Первый курс? – Янтарные глазища неожиданно оказались прямо напротив моих. – Группа Милтона?

– Аг-га, – согласилась я с очевидным.

Господин дракон аккуратно придал мне вертикальное положение. До этого момента я, оказывается, сидела у него на руках. Вот ужас-то!

– Имя? – Очень понятный, но не самый желательный для меня вопрос.

– Ди... – выдавила я, продолжая испуганно пялиться на своего собеседника.

Странно, мне казалось, дагон ужасно высок, а он всего на полголовы меня выше, из-за чего не смотреть в эти желтые моргалки оказалось совершенно невозможно.

Ректор слегка дернул уголком губ.

– И что же вы, Ди, делали наверху? – очень спокойно, практически светски, осведомился ящер в человеческом обличье.

– Следовала за «Мечтой». – Я потрясла у него перед носом вещественным доказательством с корявой красной надписью на корпусе. – Она на дереве застряла.

Ящер еще раз дернул уголком рта. Нервный тик у него, что ли?

– Что вы слышали?

А вот и следующий неудобный вопрос.

– Она застала вас врасплох и не отступится, – показала я свою осведомленность.

Теперь уже вся линия драконьих губ на мгновение напряглась. А вдруг это он так к броску готовится? Сейчас как прыгнет, как сожрет!

– Ну и что будем делать? – Гилард Ливейский сложил руки на груди.

Я моргнула пару раз, не понимая, с чего бы это он со мной в таких вещах советуется и на кой хрущ мне что-то делать с его бывшей подружкой.

– Сохранять бдительность, чтобы противник не подкрался с тыла? – предложила неуверенно.

– С вами, Ди. С вами что делать будем? – Ректор начал издавать подозрительные звуки.

Это он что, смеется? Это против правил. Дракон не должен вести себя так... человечно.

– А давайте меня отпустим? Обещаю, что никому не расскажу о вашем разговоре.

– Это в ваших же интересах, надеюсь, вы это понимаете. – Вот сейчас он снова стал похож на холодную ящерицу. Даже отпустило как-то.

Я быстро-быстро закивала.

– Можете идти, – разрешил мне дракон, и я, конечно же, не заставила просить себя дважды.

Глава 3

Если вы вдруг привлекли внимание дракона, следует слиться с пейзажем, опустить глаза и медленно, не делая резких движений, отступить в укрытие.

Дагон Гилард Ливейский возник в моей жизни восемь лет назад. Папа всего год как получил дворянский титул и был увлечен идеей влиться в благородное общество. Поэтому часто ездил на балы, светские приемы и меня на последние брал с собой время от времени. Я всю эту мишуру ужасно не любила: туда не приглашали моих друзей, нельзя было вести себя так свободно, как я привыкла, нужно было ходить в дорогуших, но совершенно неудобных платьях, все время улыбаться и приседать, как заводная кукла. Но ради папы я терпела и это. Наверное, на одном из подобных мероприятий дракон нас с папой и заприметил.

– Смотри, Ди, – сказал как-то Руфус дель Фейт, отводя меня в сторонку, – это твой будущий жених, – и, показав украдкой на Гиларда, пояснил: – Дагон Ливейский собирается просить твоей руки.

Я во все глаза разглядывала дракона. Вот этот взрослый, высокий, красивый даже, если бы не жутковатые глаза, мужчина – это все мое, что ли?

Сам факт долгосрочной, «на вырост» помолвки для аристократов был делом привычным. Они иногда еще из пеленок вылезти не успевали, как уже оказывались обручены. Но то для аристократов. Мы на подобное точно не рассчитывали, да еще дракон... И не откажешь ведь.

Для десятилетней избалованной девчонки новость оказалась просто оглушительной. Вовсе я не испугалась. Наоборот, мне мерещилась в сладко-розовых девичьих грезах прекрасная, как радужный пони, романтическая история. Наверняка суровый дракон увидел меня и сразу влюбился. Иначе зачем ему звать меня замуж, так?

«Конечно, так», – шептала греза, и я уже представляла, как он будет на меня смотреть, кружить на руках, а когда я подрасту... – тут сердце мое сладко сжималось, – непременно станет умолять о поцелуе. И я, конечно, сначала поотнекиваюсь для вида, а потом, так уж и быть, разрешу. От этих фантазий я приходила в такой восторг, что чувствовала себя легким перышком, которое воздушный поток поднимает высоко-высоко в небо...

Тем больнее оказалась правда.

К первому визиту Гиларда Ливейского в наш дом я готовилась с самого утра. Нацепила новое платье, похожее на воздушное пирожное, заставила горничную два раза перебивать светлые локоны, чтобы они красиво лежали по плечам.

Он взглянул на меня всего один раз: когда я, волнуясь,

присела перед ним в приветственном книксене, как меня учила зануда-гувернантка. Взглянул внимательно, оценивающе и абсолютно прохладно, будто изучал товар на витрине. Я помню, что мне стало жутко от этого взгляда. Дагон едва заметно кивнул, скорее своим мыслям, нежели мне, и больше меня не замечал: говорил с отцом в его кабинете, а потом сразу ушел.

Я была раздавлена, мечта рассыпалась в труху. Но сдалась я не сразу. И теперь с невиданным до того рвением посещала все подряд приемы. И если на них присутствовал мой будущий жених, буквально из кожи вон лезла, чтобы обратить на себя внимание: то проходила прямо у него перед носом, то пыталась заговорить, а однажды даже набралась смелости и вручила ему очень дорогую для меня вещь – первую свою леталку, которую смастерила сама.

Но каждая попытка оборачивалась разочарованием: меня не замечали, на вопросы отвечали односложно, а подарок мой так и остался лежать на столике, на который я его положила. А еще я внимательно следила за тем, как он общается с другими, взрослыми, дамами. И во мне росла, набухая грозовой тучей, ревность.

Если бы он хоть один раз мне улыбнулся, или похвалил мое платье, или просто спросил, как у меня дела, – мне было бы достаточно этой малости, чтобы его простить. Но увы... И к концу сезона моя детская влюбленность трансформировалась в не менее детскую, а потому искреннюю, ненависть.

Я решила, что отомщу ему за свои страдания и ни за какие коврижки не выйду за него замуж. И стала обдумывать план действий...

Я прогнала так некстати нахлынувшие воспоминания. Вот надо ж было мне забросить планер именно на это дерево! Хорошо еще его драконство не стал допытываться моей фамилии. И очень надеюсь, что он не направился сразу же после нашей встречи просматривать списки учащихся. Не хотелось бы разоблачения раньше времени.

Вот примерно с такими мыслями я начала подниматься по лестнице общежития.

– Эй, ты же с четвертого этажа? – послышалось снизу.

Я оглянулась и увидела, что ко мне приближается госпожа Нокс, наша заведующая. Она протянула мне плотный бежевый конверт.

– Отнеси-ка в триста пятый Дафне. Она недавно поднялась, а я вот забыла ей отдать. Ждет, я знаю.

Я кивнула, взяла конверт и пошла искать триста пятую комнату. Кто такая Дафна, я понятия не имела, но то, что на третьем этаже жили старшекурсницы, знала точно.

Отыскав нужную дверь, я почувствовала зуд любопытства: именно из этой комнаты выходил Милтон, когда я нечаянно ошиблась этажом. Вот и поглядим, к кому это он захаживает. Я вежливо постучалась.

Дверь мне открыла стройная девушка. Невысокая, с тем-

ными, собранными в простой низкий узел волосами и черными, резко очерченными на бледном лице, стрелами бровей. Красивая.

– Привет, ты Дафна дель Тарр? – спросила я, подглядев фамилию на конверте.

– Ну, я, – ответила та не слишком приветливо.

– Тогда держи, госпожа Нокс просила передать, – вручила я ей послание.

– О, спасибо!

Вот теперь она явно обрадовалась, забрала свою почту и сразу закрыла дверь, наверное, побежала читать. Но перед этим я успела заметить в ее комнате темно-коричневую мантию, висящую на спинке стула. Значит, с факультета земли... и старшекурсница... Выходит, до этого года главой ее факультета был Милтон. Что сказать, с уставом тут явные проблемы, но вкус у господина куратора очень и очень неплох. Но не мое дело, конечно.

И я побрела к себе.

Учеба затягивала. Теорию я обожала и могла часами размышлять над очередной интересной задачкой. Практика давалась куда как хуже. И только благодаря находчивости нашего магистра, с фантазией подошедшего к выбору физической основы для моих артефактов (то карманные часы с выпуклым стеклом, то кусок пемзы, то стеклянный шарик с воздушным пузырем внутри), мне удавалось выполнять

задания. Особенной практической пользы творения мои не имели, но формально я пока вполне справлялась с материалом.

В целом, все шло неплохо. Ректора я больше не видела, с ребятами из своей группы общалась вполне тепло, даже дель Крас поутих: то ли решил взяться за ум, то ли нашел себе новое развлечение, но ничего большего, чем вялое с нами переругивание, он себе не позволял.

Как-то раз после последнего урока к нам подошла Рина – одна из наших девушек – и передала, что магистр Милтон попросил нас втроем подойти в мастерскую в лабораторном корпусе.

– Над каким-то образцом работает, хотел вам показать. Давайте провожу, мы с Полом там позавчера были, – пояснила она.

– Ух, надеюсь, это ненадолго, – озадачился Берни, – я хотел успеть еще в Эстин сходить, по лавкам пробежаться.

– А я надеюсь, что ему не потребовалось срочно сделать уборку. Может, бахнул там чего, а мы теперь отмывай, – задумалась Марша, ибо прецеденты уже были, правда, по вине нашего приятеля, но убираться пришлось всей группой.

– Основной специалист что-нибудь «бахнуть» с нами, так что вряд ли дело в этом.

Рина же целеустремленно вела нас вперед и предпочитала помалкивать.

– Ну вот, сюда, – сказала она, указав на странного вида

подвальное помещение.

– Точно? – засомневалась я.

– Ага, для магов земли подвалы – самое оно, – закивала наша проводница.

А когда мы вошли в полутемное прохладное помещение, сдавленно пискнула: «Простите, я не хотела». И прежде чем мы успели понять, что произошло, услышали противный скрежет металлического засова, запирающегося с той стороны.

– Попались, тускляки? – раздался злорадствующий голос, увы, знакомый.

«Крас!» – «Вот скотина!» – «Открой немедленно!» – тут же завопили мы.

– Ну не-е-ет, – не впечатлился гад-воздушник, – посидите тут денек, может, ума наберетесь.

– Когда мы выберемся, ты пожалеешь, что на свет родился! – кричала Марша.

– И магистр Хоксли первым делом узнает о твоих выходах, – вторил ей Берни.

Нил только расхохотался.

– Испугали дракона кривым артефактом. Ставрису на вас плевать, а Милтон ваш у Сильварии только что из рук не ест. Ладно, до завтра, серость. Приятного времяпровождения!

– Вот хрущ! – возмущалась я, когда Нил убрался. – И что он к нам вообще прицепился? Давайте думать, как отсюда выбираться.

Мы осмотрели все подвальное помещение размером с тренировочный зал: темное, мрачное, холодное.

– Вот видите, как здорово всегда иметь под рукой очки, позволяющие видеть в темноте! – повторял Берни.

– Ты чего всегда такой восторженный? – хмурилась Марша. – Бесишь.

Ни окна, ни второй двери, ни малейшего намека на потайной ход мы не обнаружили и вернулись обратно к двери.

– Берни, попробуешь расплавить засов?

– Дохлый номер, – покачала головой водница, – силенок не хватит.

Эх, Крас все продумал. Это боевик, поднатужившись, мог снести дверь к хрущам драконьим, а мы со своими третьими-четвертыми уровнями только и сможем, что погреться от собственных потуг.

– А если сконцентрироваться на самом засове, вдруг получится? – Сдаваться, не предприняв ничего, мне не хотелось.

Огневик подошел к двери, отыскал место, в котором засов входил в стену, и аккуратно направил туда огненный поток.

– Нет, Марша права, – произнес он через некоторое время, – мощности не хватает.

– А если чередовать огонь и лед? – предложила я другой вариант. – Тогда кристаллическая решетка постепенно разрушится.

– Может выйти, – согласилась водница, – но корячиться

придется долго.

– Чего-чего, а времени у нас навалом! – хохотнул огневик и слегка ссутулился, ощутив на себе наши не слишком добрые взгляды.

Марша с Берни принялись за дело.

– Все, перерыв, – возвестила подруга полчаса спустя, – больше не могу.

Проклятый засов разрушаться и не собирался, закаленный, что ли?

– А если нам объединить огонь и воздух? – предложила я снова. Сидеть без дела, наблюдая, как работают друзья, мне не нравилось.

– Огонь жажнет широкой волной. Боевиков этому на старших курсах учат, – пожалала плечами Марша. – Я на полигоне видела.

– А давай попробуем. – Огневик задумчиво поскреб затылок.

И мы попробовали. В дверь шваркнулась огненная волна, слегка закоптила металл, частично отразилась обратно, чуть не подпалив водницу, но затвор, зараза, и на сотую дюйма не сдвинулся.

– А если не чистой силой, а точно, с высокой концентрацией, как у Милтона на занятиях? – пришла мне в голову очередная идея.

– В прошлый раз я так и делал! – похвастался Берни.

– А теперь мы вдвоем – огонь и воздух в одну точку.

– А я могу выставить ледяной щит, чтобы ограничить зону действия, – подключилась Марша.

– Пробуем?

– За дело!

Первым делом мы обозначили на двери пробную точку. Марша выставила ограничитель, влив туда по максимуму магии.

– Берни, на счет «три», – скомандовала я, когда мы закончили плести заклинание. – Один, два, три!

Шшш, дыщ! БАХ!

– Дракон меня пожри! – ахнула водница, когда дым рассеялся, и мы увидели на двери дыру размером с кулак.

– Отлично! А теперь то же самое, только у затвора! И, Марша, щит нужен поуже, насколько получится. Берни, постарайся сильнее сконцентрироваться.

Со второй попытки затвор пал, и дверь открылась, к нашему ликованию.

– Есть!

– Что делаем дальше?

– Надо поставить Нила на место, – решила я. – Идем к Милтону.

– Значит, вот здесь вас и запер студент дель Крас, если верить вашим словам. – Магистр и наш куратор провел рукой по волосам, откидывая от лица льняные пряди, и тут же при- свистнул, оценив характер повреждения дверного полотна и

замка. – Это что же такое вы тут наворотили, талантливые мои? Хотя переформулирую вопрос: как вам это удалось? Я даже ругать вас сильно не буду, хотя шкуру бы с вас спустить за порчу имущества.

– То есть лучше бы мы там до завтрашнего дня сидели? – возмутилась я таким подходом к делу. – И наказывать воздушника вы не собираетесь?

Милтон выжидательно смотрел на меня, и я вдруг поняла: точно не собирается.

– Значит, Крас был прав и вы слова поперек не скажете Сильварии Хоксли? – бросила я в сердцах.

Серые глаза магистра сузились, привычная развязность слетела с него, как осенняя листва при порыве шквалистого ветра.

– Студентка дель Фейт, я совершенно не тот человек, с которым вам сейчас стоило бы ссориться, так что лучше прикусите язычок, это во-первых; а во-вторых, как вы думаете, чем занимаются выпускники академии, в которой вы учитесь? – Он провел взглядом по каждому из нас.

– Сражаются с врагами, охраняют границы, участвуют в сдерживании стихийных прорывов и ликвидации их последствий, – заученно оттарбанила Марша.

– Спасибо, студентка Стилл. Так вот, любой из выпускников академии – я подчеркиваю, любой – может оказаться вашим товарищем в бою. И, не дай Создателя, он затаит на вас злобу, потому что на каком-то курсе вы на него кому-то

нажаловались. Запомните: в нашем случае лучше просто и честно дать ему по морде, получить и отработать взыскание – и нормально общаться дальше, чем идти окольными путями.

– Но он-то как раз именно так и делает... подлость за подлостью, – не желала сдаваться я.

– Тем хуже для него. Тогда именно он рискует оказаться в бою с неприкрытым за... бралом. И хватит болтовни, непримиримые мои, давайте-ка продемонстрируйте мне уже свой хваленый удар.

– Все равно это несправедливо, – буркнула я себе под нос.

– Справедливости вообще не существует, Диона. – Магистр Милтон снова встряхнул волосами, откидывая их назад. – Чем раньше вы это поймете, тем лучше.

Демонстрация наших свежепридуманных боевых навыков прошла успешно. Дверь приросла еще одной дырой, а наш куратор так вдохновился, что даже соизволил нам поаплодировать.

– Будем считать, что я простил вам ваши неосторожные слова, – сказал он, возвращаясь к своему привычно расслабленному тону, – вам таки удалось меня приятно удивить.

– Только не говорите, что раньше никто до такого не додумывался, – не поверила я.

– Вам напомнить, сколько магов воздуха училось в стенах академии на факультете артефакторики?

«Ни одного, понятно...»

– И в качестве доброго совета... Продемонстрируйте свое

новоприобретенное умение студенту дель Красу, это должно произвести на него должное впечатление. Ладно, господа студенты, пора и честь знать. Жду вас завтра на занятиях.

– Можно еще вопрос? – не утерпела я, дождавшись, когда Марша с Берни немного отошли. – Вы же все знаете обо мне, да?

– Что именно я должен о вас знать? – похлопал честными глазами Милтон.

– То, что я... ну... мое имя? – замялась я.

– Странно было бы, если бы я не знал имена своих студентов, – пожал плечами магистр и удалился, оставив меня в полном недоумении. Так знает или не знает?

На следующем занятии по физкультуре мы втроем устроили показательное выступление специально для Нила дель Краса. Он и так ходил несколько притихший после того, как, придя за нами в подвал, обнаружил дверь открытой, да еще пробитой насквозь. Думал, наверное, что мы замышляем страшную месть.

Вместо этого мы втроем, не дожидаясь начала занятия, подошли к нему с его компанией.

– Эй, Крас. Давай поговорим по-взрослому. Есть претензии – говори, хочешь поединок – мы бегать не будем. Но не надо гадить исподтишка, – начала Марша.

– Имей в виду, ты можешь оказаться с нами в одном окопе, – добавил Берни, вдохновленный речами Милтона.

– Хочешь, покажем, как мы выбрались из подвала? – любезно предложила я.

И мы показали, выбрав в качестве объекта приложения своих сил одну из мишеней для стрельбы, которая после нашей демонстрации также разжилась дырой посередине.

– Ну что, мир? – Мы смотрели на сбледнувшего Нила.

– Мир, – буркнул он и скорее отошел в сторону.

А к нам на всех парах неслась красотка Элла Клэй (я таки удосужилась узнать ее имя), свистя и ругаясь на чем свет стоит. Разумеется, через несколько минут мы втроем уже шагали к Милтону с очередной запиской.

– Другое дело, молодцы, – кивнул он, выслушав наш рассказ. – В смысле – как вам не стыдно, чтобы больше такого не было. А в качестве взыскания прогуляйтесь сегодня в Эстин, купите все вот по этому списку и принесете завтра на занятия. – Он вынул из ящика стола сложенный лист бумаги и мешочек с монетами. – Все ясно? Тогда чтоб больше я вас сегодня не видел.

В Эстин мы отправились все втроем. Список оказался внушительным, но мы разделились и справились с ним довольно быстро. Марша, к тому же, прикупила в кондитерской леденцов. Берни заглянул в мастерскую, чтобы раздобыть новые детальки для своего очередного бахающего шедевра. А вот у меня планы были грандиозные.

Вчера пришел новый номер журнала, и в нем я обнаружила чертежи прекрасного воздушного змея в виде дракона.

Размах его крыльев был едва ли не больше, чем моих рук, вытяни я их в строгую линию. И еще хвост – длинный, развевающийся на ветру... Так что я сразу загорелась сделать и запустить такого же. Для этого нужны были рейки, бечевка (этого добра у меня было навалом, пространственный чемодан еще и не то вместит) и плотная непродуваемая ткань. Вот ее-то я и пошла искать.

– Есть хорошая парусина, – кивнул продавец в четвертой по счету мастерской, – голубая и бордовая. Какую выберете?

Я призадумалась: голубой воздушный змей на фоне неба?.. Ну нет.

– Давайте бордовую, – решила я.

– Эм... – подала голос Марша, – Ди! Не хочу тебя расстраивать, но запускать бордового дракона на территории академии не стоит: аналогии с ректором уж точно не избежать.

Вот же хрущ, что-то я и не подумала.

– А мы не в академии, а здесь, в парке! – пришел на помощь неунывающий Берни. – В Эстине-то можно?

– Наверное, да, – неуверенно кивнула водница.

Несколько дней у нас кипела работа. Мастерскую мы развернули на крыше старого лабораторного корпуса. Клеили, вырезали, шили, натягивали. Марша раздобыла где-то золотую краску, и мы нарисовали нашему змею желтые сверкающие глаза.

– Как будем тащить этого красавца до парка? – спросил огневик, когда работа наконец-то была окончена.

– В пространственном чемодане, – предложила я, – должен влезть.

– Тогда завтра после уроков торжественный запуск!

Ага, знали бы мы, чем это все закончится.

Погода была отличная: солнечная, с ветерком, – то что нужно. До парка мы добрались без приключений. Аккуратно выгрузили змея из чемодана, я надела перчатки, чтобы не обжечь руки леером, проверила направление ветра и, держа нашего дракона в одной руке, а леер – в другой, начала разбег. Натяжение бечевки почувствовала почти сразу и принялась понемногу отпускать леер. Змей взмыл в воздух. Я, радуясь как ребенок, направляла небольшие воздушные потоки, заставляя его лавировать.

– Попутного ветра! – кричала я, и этот восторг передавался моим друзьям.

Темно-красный дракон, парящий на фоне неба... Как же это было красиво! Не зря мы несколько дней на него потратили, определенно не зря.

А потом запускать дракона захотел Берни.

Я еще раз объяснила, что и как нужно делать, и передала ему перчатки. Он покивал понятиливо, чуть не приплясывая от нетерпения, и побежал. Все шло неплохо: змей начал набирать высоту, Берни отпускал леер и почти поймал нужный поток, когда произошел казус – в парня на всех парах влетел хрущ. Откуда он взялся в парке в конце первого месяца осени, я понятия не имею, но худшего времени для своего

появления он выбрать просто не мог.

Берни от неожиданности вздрогнул, отпустил бечевку, а с пальцев его, взмывая вверх, слетел огненный заряд, пережегший большую часть леера и заодно подпаливший нашему дракону роскошный развевающийся хвост.

Ничем не сдерживаемый змей под наши общие стоны взмыл в небеса и полетел, куда ему указывал ветер.

А ветер, между тем, дул в сторону академии.

– Вот же шляпа! – забегала я, схватившись за голову и наблюдая, как парусиновый дракон с подгорающим задом и выпученными золотыми глазами неотвратно приближается к главному корпусу. Не стоило и надеяться, что его финальный выход останется незамеченным.

– Как думаете, ректор узнает? – ровным голосом спросила Марша.

– По-моему, тут без вариантов, – так же отстраненно ответил Берни.

– Нет, узнает ли он, что это мы?

– Так, подождите паниковать. – Я еще пыталась сохранять спокойствие. – Ну что тут такого? Змей и змей. Мало ли в мире темно-красных драконов? В конце концов, скажем, что это... аллегория.

Два скептических взгляда были мне ответом.

– Дагон ректор сгорел на работе, или жжет зарядом, или... спалился...

– Диона, помолчи, пожалуйста, и без того тошно, – бес-

цветно отозвалась водница. – Пойдемте назад, все лучше, чем сидеть тут и строить предположения одно другого хуже.

Возразить было нечего, и я, подхватив чемодан, поплелась за друзьями по дороге в академию.

Возвращаться было страшновато. Так и казалось, что сейчас раздастся трубный глас: «Студенты Стилл, дель Фейт и Римингтон – срочно к ректору!» И глас раздался. Не трубный, правда, зато вполне знакомый и принадлежащий нашему куратору.

– Расходимся, любопытные мои. Представление окончено! Создателю сего шедевра настоятельно рекомендую держать свое авторство втайне даже под пытками. Целее будет.

Картина, представшая нашему взору, заставила нас втроем нервно сглотнуть: наш многострадальный дракон – подгорелый, мокрый (здесь, кажется, поработали водники, тушившие возгорание) висел вниз головой, зацепившись обрывком бечевки за карниз главного купола. Одно крыло его обвисло: планка не выдержала таких издевательств. И общий вид нашего змея внушал острое чувство жалости. Самое поганое, что при всем при этом он умудрялся раскачиваться маятником прямо перед окнами ректорского кабинета.

Я внутренне застонала. Кажется, все драконы мира, парусиновые в том числе, вознамерились испортить мне жизнь.

Внизу на площади студенты с любопытством смотрели на происходящее, перешептываясь, гогоча и чуть ли не тыкая в несчастного змея пальцами.

– Ну, Ливейский кому-то зад надерет, – комментировал происходящее один студент, – за такую пародию.

К тому времени, как мы подошли поближе, Милтона внизу уже и след простыл, а из окна вылезли рабочие, отвязали от карниза бранные останки нашего змея и затащили того в недра кабинета.

Народ стал расходиться, и мы с друзьями бочком, бочком только направились было к крыше лабораторного корпуса, чтобы в тишине выдохнуть и обсудить произошедшее, как сзади раздалось:

– Вы трое, а ну стоять!

Наш несравненный куратор догонял нас быстрым шагом, и мы нервно переглянулись.

– Диона, – обратился он ко мне столь медовым голосом, что сразу стало ясно: он очень-очень зол, – на два слова, если позволишь.

Мы отошли в сторонку, и магистр, наклонившись ко мне, поинтересовался ядовито:

– Думаешь, это смешно? – Он небрежно махнул в сторону главного корпуса.

– Нет, – замотала я головой.

– Прекрасно. Тогда переходим ко второму вопросу. Не подскажешь ли, с какого перепуга после этой выходки Гиллард запросил у меня список моих первокурсников? Где ты уже успела засветиться?

– Сидела на дереве с планером, – покаялась я. О прочих

обстоятельствах решила умолчать.

Милтон сделал глубокий вздох и посмотрел вверх.

– Я думал, ты умнее, дель Фейт. У тебя есть четверть часа, чтобы собрать вещи, пока я несу ректору этот список. После этого ты вылетишь из академии орленком, уж будь уверена. Со свадебным платьем можешь сильно не морочиться: Гилларду оно до лампочки.

– Помогите мне... пожалуйста, – тихо произнесла я. – Вам ведь тоже это зачем-то нужно. Приняли же вы меня в свою группу вопреки всему.

Магистр окинул меня весьма прохладным взглядом и решил:

– Попробую, но вовсе не ради тебя.

Я понуро побрела к друзьям.

– Ну вот и все, – сказала я. – Похоже, это мой последний день в академии. Ректор меня прибьет.

– Я пойду с тобой. – Берни решительно тряхнул головой. – Моя вина – мне и отвечать.

– Дело не только в этом, – повинулась я. – Всего я вам сказать не могу, но у Ливейского и без того на меня огромный зуб.

Мимо нас прошла группа старшекурсников, возвращающихся с полигона, – потные, уставшие, все в грязи. Маги земли, не иначе.

– Дафи, – обратился один из парней к идущей впереди девушке, – соберись, ты в этом году сама не своя. Иначе при-

дется ставить тебя в другую пятерку.

– Ага, ставь, – согласилась та, повернувшись на миг лицом к нам. И я узнала в ней Дафну дель Тарр. – Я и вправду сдала немного.

– Немного? – возмутилась другая девушка. – Не знай я тебя раньше, могла бы подумать, что у тебя пятый-шестой уровень, а не уверенная девятка. Правда, Дафи, тяжело смотреть, как ты себя гробишь...

– Вот и не смотри, – психанула та и быстрым шагом направилась вперед.

Кажется, не только у меня день не задался.

«Студентка первого курса Диона дель Фейт, срочно явиться в кабинет дагона ректора!» – понесся над академией усиленный магией воздуха звуковой сигнал.

Я растерянно оглянулась и на ватных ногах побрела в главный корпус. Вот и пришел тот момент, которого я всей душой желала бы избежать.

Глава 4

*Если вы по скудоумию своему разозлили дракона,
то пусть земля будет вам пухом.*

Не стоит недооценивать детскую изобретательность. Вкупе с безграничной фантазией, избалованностью и затаенной обидой она способна творить чудовищ.

Я составляла свой план мести долго и тщательно. Ненависть, клокочущая во мне, требовала, чтобы мой обидчик был не просто наказан, но – уничтожен, размазан, чтобы вообще пожалел, что со мной связался. Думаю, если бы я действовала в одиночку, ничего бы у меня не вышло. Но со мной были друзья, которые тоже считали, что раз дракон до смерти обидел их подругу, то заслуживает худшей из кар.

Не помню уже, кто первым предложил эту идею, но она показалась нам настолько удачной, что мы сразу же ей загорелись. Нас не остановили ни запреты, ни совершеннейшая неэтичность наших поступков (мы и слов-то таких тогда не знали), ни даже то, что в процессе осуществления плана пострадают совершенно невинные люди. Нам казалось, что цель оправдывает любые средства. Короче говоря, дракон сам виноват.

Мы дождались приема, который устраивал папа. Именно

на нем предстояло официально объявить о нашей помолвке. Гостей приглашено было много, и я упросила па, чтобы Рой и Гвен тоже присутствовали. Конечно, он не отказал.

Рой притащил в кармане своего костюма украденное у отца-целителя «приворотное зелье» – эликсир, усиливающий влечение (за что потом родители выдрали его так, что он неделю сидеть не мог). Разумеется, мы знали, что на драконов такие вещи не действуют, но мы придумали кое-что похуже.

В качестве «жертвы» мы выбрали леди Марилу – довольно скромную небогатую даму лет тридцати. Нам она казалась ужасно старой и скучной. В общем, ее, в нашем представлении, было не жалко. В пузырек с зельем я добавила свою величайшую ценность – волос из драконьего хвоста своего жениха, бережно снятый со спинки кресла, на котором восседал тогда еще обожаемый мной ящер, и хранящийся в маленьком золотом медальоне. И пока мы вместе с Гвен отвлекали леди Марилу, Рой подлил эликсир в ее напиток.

Ждать, пока зелье подействует, пришлось недолго. То ли Рой не рассчитал с пропорциями, то ли драконий волос так подействовал, но в скором времени у леди Марилы щеки разругались, глаза заблестели, ее явно стало бросать в жар, и мы поняли, что пора. Наш друг вызвался проводить даму на балкон освежиться. Я же, предвкушая месть, подбежала к Гиларду и передала, что «папенька просил вас позвать, он вон там, на балконе».

Как только дракон там оказался, к нему бросилась леди Марила. Не знаю, является ли это хоть каким-то для нас оправданием, но такого откровенного непотребства мы не планировали. Я думала, что под воздействием эликсира дама ползет к Гиларду с поцелуями, но она принялась томно стонать и попыталась сорвать с себя одежду. Дракон опешил, однако смог бы утихомирить разбушевавшуюся под действием зелья женщину. Но ледяная корка под ногами, наколдованная Роем, не предоставила ему такого шанса. Не устояв на ногах, дагон Ливейский рухнул прямо в объятия неистовствующей леди Марилы. И тут на сцену вышла я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.